

УДК 281.93-3(498)
DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-42-50

**«НЕХАЙ СОХРАНИТ НАС БОГ КАК ЕСТЬ»:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ У ЧАСОВЕННЫХ ХУТОРА (РУМЫНИЯ)**

© **Иникова Светлана Александровна**
кандидат исторических наук,
Институт этнографии и антропологии РАН
Россия, г. Москва
ovis2@yandex.ru

(Статья выполнена в соответствии с планом научной работы ИЭА РАН).

Статья посвящена исследованию старообрядцев часовенного согласия, живущих в Румынии. Сравнительно большая в начале XX в. группа ныне представлена только часовенными, проживающими в бывшем селении Хутор, вошедшем в черту г. Брэила. Часовенные Румынии никогда не становились объектом исследования, поэтому в научной литературе о них отсутствуют какие-либо сведения. С целью расширения знаний об этой группе автор использовала в статье полевые материалы, полученные ею во время экспедиции 2017 г. В работе даны сведения об истории часовенных Хутора в XX в., показаны взаимоотношения с государством и проживающими там же старообрядцами белокриницкого согласия. Выйдя из среды беглопоповцев, часовенные и белокриницкие уже более 150 лет являются религиозными оппонентами. Автор анализирует тактику часовенных, направленную на формирование положительной самооценки и негативной оценки белокриницких соседей. Такой подход к решению проблемы сохранения идентичности способствует сплочению старшего поколения часовенных, но не дает возможности адаптации к новым жизненным реалиям, что неизбежно ведет к численному сокращению группы.

Ключевые слова: белокриницкие и часовенные старообрядцы, Румыния, Хутор, идентичность, Никон, Амвросий, религиозные запреты, благочестие

**«MAY GOD KEEP US AS WE ARE»: COMMON AND SPECIAL AMONG
THE CHASOVENNYE OF THE KHUTOR (ROMANIA)**

Svetlana A. Inikova
Cand. Sci. (History), Leading Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
ovis2@yandex.ru

The article is devoted to the study of the Old Believers of the Chasovennoye Concord living in Romania. A relatively large group at the beginning of the XX century is now represented only by the Chasovennye living in the former village of Khutor, which entered the city of Braila. Romanian Chasovennye have never been the object of research, so there is no information about them in the scientific literature. In order to expand knowledge about this group, the author used the field materials she received during the 2017 expedition in the article. The work provides information about the history of the Chasovennye of Khutor in the XX century, shows their relationship with the state and the Old Believers of the Belokrinitskoe Concord living there. Having emerged from the environment of Beglopopovtsy, the Chasovennye and the Belokrinitskie Old Believers have been religious opponents for

more than 150 years. The author analyzes the tactics of the Chasovennye, aimed at forming a positive self-esteem and a negative assessment of the Belokrinitskie neighbors. Such an approach to solving the problem of preserving identity contributes to the cohesion of the older generation of the group but does not allow adaptation to new realities of life, which inevitably leads to a numerical reduction of the group.

Keywords: Belokrinitskie and Chasovennye Old Believers, Romania, Khutor, identity, Nikon, Ambrose, religious prohibitions, piety

Русская старообрядческая диаспора в Румынии активно формировалась на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX в., хотя миграции староверов на территорию Добруджи (до 1878 г. Турция), Дунайских княжеств (Молдавия и Валахия) и Буковины (до 1918 г. Австро-Венгрия) продолжались еще в начале XX в. Перечисленные территории поэтапно вошли в состав государства Румыния. Подавляющее большинство старообрядцев-мигрантов были представлены беглопоповцами, принимавшими попов, переведенных из православной церкви в старообрядчество. Беспоповцы составляли меньшинство и в основном принадлежали к поморскому согласию, хотя среди них были и федосеевцы и филипповцы.

После появления в Белой Кринице (Буковина) в 1846 г. Старообрядческой иерархии во главе с митрополитом Амвросием беглопоповцы перечисленных территорий большими группами и целыми селениями начали присоединяться к белокриницкому согласию. Часть беглопоповцев осталась на прежних позициях и до начала Первой мировой войны продолжала принимать «перемазанных» попов из России. В 1990 г. беглопоповцы Румынии присоединились к новозыбковскому согласию. Другая часть беглопоповцев, разочаровавшись в беглых попах, часто являвшихся не лучшими представителями своего сословия, и не приняв новую иерархию после 1846 г., вообще отказались от священства и объявили себя часовенными.

Исследователи, начиная со времени появления у старообрядцев иерархии, неоднократно писали о белокриницком согласии в Румынии [Надеждин 1860; Плотникова 2016; Пригарин 2010; Субботин 1874; Roler 1898], в то время как часовенные остались и до сих пор остаются вне поля их зрения. В настоящее время место Хутор (Валахия), где проживают часовенные, входит в черту г. Брэилы. Численность их сокращается и им все сложнее выдерживать натиск современной цивилизации и проживающих рядом с ними старообрядцев белокриницкого согласия, а у исследователей все меньше шансов зафиксировать их культурное и религиозное своеобразие. Данная статья призвана расширить наши познания о часовенных в Румынии и в частности — Хутора, показать механизмы, помогающие им сохранять идентичность в современном мире.

Немного истории

Еще в первой половине XX в. часовенные составляли половину жителей с. Климауцы (Буковина), к этому согласию принадлежали все старообрядцы с. Бордушань (Борщи) и значительная часть жителей с. Хутор (Писк) около г. Брэилы. Численность часовенных до Второй мировой войны сокращалась за счет браков с белокриницкими, но поскольку они не приветствовались ни той, ни другой стороной и не были частым явлением, то сокращение шло медленно. Резкое уменьшение численности часовенных произошло в годы войны при диктато-

ре Антонеску. Власти объявили о закрытии молитвенных домов всех религиозных групп, не имевших священства. Белокрыницкая митрополия поспешила воспользоваться ситуацией, и митр. Тихон (Качалкин) ездил по селениям и уговаривал часовенных перейти в белокрыницкое согласие. Он преуспел: в годы войны и после нее к митрополии присоединились часовенные Климауц и Бордушани. Часовенные Хутора ответили отказом, несмотря на закрытие часовни.

После свержения режима Антонеску ее открыли на короткое время, но после прихода к власти Г. Георгиу-Деж закрыли вновь. По рассказам, в Министерство культов в Бухарест из Хутора отправилась делегация. Им вроде и пообещали снять запрет, но уверенности ни у кого не было. По воспоминаниям людей старшего поколения, часовенные обратились одновременно еще и в посольство СССР и благодаря звонку оттуда в румынское правительство часовню открыли и больше уже не закрывали.

Часовенные считали, что это митрополия наговаривала на них и строила козни, чтобы добиться их присоединения. В 1950–1960-е гг. государство стало выделять деньги церквям и религиозным деноминациям Румынии на зарплату священникам, наставникам, причту. Зарплату стали получать и белокрыницкие священники, дьяконы, дьяки. В эти годы часовенных регистрировали как «беспоповцев церкви Покрова» и государство тоже стало выделять им средства из бюджета, которые поступали через Брэильскую митрополию. Деньги шли на зарплату дьяку и уборщице. Вспоминая то время, наставник рассказывал: «Мы были аффилиаты с поповцами. Они, те отцы, были салиариаты (получали зарплату. — С. И.), потом хотели постановить попа у нас, а тут не согласились» [ПМА: И. Б.]. Видя безрезультатность уговоров, митрополия отказалась от аффилиции с часовенными и с тех пор последние ничего от государства не получают. «Есть разные, кто принимает попов. Мы никого не принимали и принимать не будем. Нехай сохранит нас Бог как есть, как до сих пор он нас сохранял. У нас своя часовня, мы ни с кем не мешаемся. И митрополия, какая в городе, мы с ей не имеем ничего общего. Мы сами по себе, мы независимые», — говорила собеседница из часовенных [ПМА: З. С. А.].

Отношения с белокрыницкими

Как уже понятно из вышесказанного, отношения часовенных с белокрыницкими складывались не лучшим образом. Часовенные называют их поповцами или церковными, а белокрыницкие часовенных — *барабульниками* с явно негативной коннотацией. По словам последних, у них никогда не было какого-то особого отношения к картофелю, каких-то запретов на него. Одна наша собеседница из белокрыницких, отец которой был в селе священником, считает, что такое прозвище им дали, потому что они «безголовые», хотят спастись без священства. Отец ее говорил, что с ними грех общаться и даже увидев похоронную процессию барабульников, надо «падать на землю и не смотреть или отвернуться. Это грех большой хоронить их» [ПМА: Т. М.]. Однако последние лет 30–40 образовалось много смешанных семей и приходится ходить на похороны родственников. И те и другие в середину церкви или часовни не проходят, обычно стоят на паперти, свечи в руках не держат, не молятся и винят в этом друг друга. Белокрыницкие упрекают часовенных, что у них в богослужебных книгах «куски постерты» и их служба бесполезная, святости у них нет, а когда крестный ход на

Светлой неделе движется мимо часовни и митрополит (специально или случайно?) «береть и прыскает ихнюю церкву (часовню. — С. И.), они берут и скорей воды да опрыскивают, чтобы не была священная церква» [ПМА: А]. Тем не менее все сходятся на том, что последние десятилетия отношения стали лучше: «Это теперь у нас тут мир, а что они на нас говорили, и что только не делали! Сбытковались дуже» [ПМА: Е.], — рассказывала женщина из часовенных. Взаимной откровенной вражды действительно нет, но скрытые недоброжелательство, неприязнь, которые при случае вырываются наружу, между людьми старшего поколения остались.

«Неблагодетельные» попы

Главной мишенью для часовенных в их противостоянии с белокрыницкими стало священство и сам митр. Амвросий. Нарративы о гонителе истинной веры Никоне, которые не обнаружены нами у белокрыницких, но были зафиксированы у часовенных Хутора, увязываются последними не только с историей бегства предков из России, но и с появлением уже за границей Амвросия.

— «Чего наши предки поутекали? Все через это. Почила погибель. Никон патриарх почал брица. Соединился с Петром I, поехал у эту, у Европу, побрился и всех облигал (обязал. — С. И.) бриться, этих патриархов [ПМА: А].

— Он не облигал, он набрехал им. Панаучил голубей, на плечи клал и в уши сыпал пшеницы, и они клевали. Он говорил: “Вот мене ангелы-голубя говорить, что надо брица”. И у ево как был бостон, то есть жезло, и он в середке был пустой. И он, када приехал из собору из Европы, как он там... будто упустил тот бостон, пробка отлетела, а табак и посыпался. И тада увидали и почали: “Православные христиане, погибаем!” И почали иконы на головы (у мене вот мурашки), детей малых кормили маком, чтоб они уснули, на иконы навязывали их, не брали ни золото, ни мобилы (мебели. — С. И.), ничего, и уплывь через Прут ночью, чтобы греничеры (пограничники. — С. И.) не видали, и какие где поселились, а наши предки, Царство Небесное им, тут поселились. Тут вода, тут рыба, тут жили» [ПМА: Е.].

Никон и за границей добрался до старообрядцев: он привез им Амвросия. Образы Никона и Амвросия каким-то причудливым образом сливаются, и сами рассказчики не всегда понимают, о ком из них идет речь. Здесь, на Хуторе, «все были часовенные. С Украины побегли... Они были и с попами (там, на Украине. — С. И.), а когда щепоть приняли и бороды почали обрезать [они сбежали]. И вот эта горсточка, что мы еще остались. Часовенные все были. А потом уже Никон попа привез етими... мертвой рукой становили попов. Амбросий был патриарх, и он умер, и его рукой благословляли, становили попов. Что это за благословение?!» [Она же].

Далее рассказчица проводит прямую связь между Никоном и Амвросием: «Никон, Амбросий. На их так и говорят: никонианы», а раз белокрыницкие его признали, то они и есть никонианы.

На вопрос: Почему вы не принимаете священство? собеседница с жаром объяснила: «За то, что от Амвросия это ведется все. Что он мертвой рукой умершего священника хиротонисал другого. Вот тут и повелось — мертвой рукой, а мы это не принимали. И не только это. Амбросий ввел поповщину. Книги старинные попалил и написал... это Никон (не Амбросий) и священников благочестивых

уже не было. И за то мы остались. Мы простые люди и дьяк наш простой, и Бог видит и понимает» [ПМА: З. С. А.].

От такого гнилого корня, как Амвросий, по мнению часовенных, пошла гнилая поросль. Наконец-то, белокриницкие и сами увидели, каковы их попы: «Это они сейчас поужахнулись: “У нас горе, у нас попы только за деньгами”. У их все плотится: и младенца когда крестить, и венчание, и похороны, усе»; «Раньше были благочестивые попы, а таперича не попы, а жильцы (не хотела употребить слово «жрецы». — С. И.). Один их старик мне говорил: “Доча, то не риза, а то анчуткина шкура на их”. Они сами уже видють, что у них» [ПМА: Е.]. Был момент, когда часовенные, глядя на соседей, начали вместо «отец» говорить на дьяка «батюшка». Дьяк категорически запретил: «Чтоб я от вас не слышал — «батюшка»! «Батюшка» говорят, кто в ризе, у нас нема ризы» [ПМА: А.]. Нынешнего дьяка часовенных, недавно еще бывшего попечителем и поставленного временно, называют по имени. Правда, прошло уже несколько лет, а другой претендент в наставники так и не появился.

Чья церковь истинная

При неблагочестивых попах и сама церковь не истинная, там не может быть святости еще и потому, что туда пускают всех без разбора: «Нас барабульниками называют. Мы, часовенные, отличаемся от церквей этих за то, что у них ходят и бритые в церкву, а у нас нет <...> Курение и брадобритие христианством запрещены. Отчитывает дьяк и дает епитимью. А в церквах и тут, и тут бороду порезал, и никто не отчитывает. За то мы отличаемся, за то мы хотим, чтобы нас Бог сохранил, какие мы есть. Мы не хотим новины, ну, как Никон, попалил книги» [ПМА: З. С. А.]; «У нас строжесть большая. Мы не принимаем брадобрийцев, не принимаем, ежели липован возьмет рамынку или рамына. У нас в церкви этого нельзя. И пошли все в церкву (белокриницкую. — С. И.), там принимают усех» [ПМА: И. Б.].

В часовне очень строго следят за тем, чтобы верующие занимали места согласно своему статусу: «Тута, в первом заходе, тут стоять у нас бритые, женщины обстриженные и неповычитанные тут стоять. У вторым заходе там женщины какие молодые, месячные, и нельзя заходить у середку. А третьем — женщины уже стоим и мужчины, какие неграмотные, а на амвоне — там грамотеи. Там престол и возвышение — это амвон. Женщина ступить туда не может. Нельзя. Во время службы нельзя, а када службы нет, тада можно пройти, что-то попытать» [ПМА: Е.].

Последнее время старообрядческая молодежь очень часто живет в гражданских браках и реалии жизни заставили часовенных вслед за белокриницкими разрешить матерям таких детей молиться вместе со всеми, а не стоять на крыльце или паперти: «Раньше, если дети живут блудно, то женщина не могла пройти вперед, а теперь этого нет, а то вовсе не будут приходить [ПМА: И. Б.]. Правда, прежде чем пройти, женщина берет прощение.

Часовенные в полном порядке содержат часовню во имя Покрова Богородицы, платят за отопление и освещение, хотя свет у них только при входе, и то после зажжения свечей электрический свет тушится, а в церквах, по словам часовенных, даже около некоторых икон горят лампочки: «Нельзя, грех! Для чево свеча? Для чево лампад? Чтоб это горело». «Нам никто ничего не платить, —

рассказывал отче. — Мы сами зарабатываем деньги. Мы покупаем воск и делаем свечи сами и у нас доход, что остаются огарки только. И мы их перетопляем. Еще подкупаем воск и там собирается из того доход. Его нема много. Он идет на ремонт и плотю люмину, отопление. Мы не собираем по людям деньги. Все, что собирается, мы покупаем воск, мы покупаем воск чистый. Есть дешевый, мы — дорогой. Для Бога чтоб был воск хороший, чистый. А то еще свечи текут. Плотим еще бумбак. Плотим, кто свечи делает, еще пономарю плотим. Я не беру ни капки. У меня пенсия есть, но маловатая. Дочка помогает. Если еще будем от Бога брать...» [ПМА: И. Б.]. Дьяк за требы цену не назначает, денег не берет, но понятно, что каждый старается что-то ему дать за труды.

Зимнее время на летнее в часовне не меняли: «Мы всеношную починаем по старых, мы по новых часах не идем, как таперича. Мы не переводим стрелки. Всеношная с 7 вечера и заканчивается в начале первого часа ночи, а утренняя начинается в три ночи и до 5ч. 30 мин. — 6 ч. Их возмущает, что еще солнце на закате, а белокриницкие всеношную заканчивают, и потом «Слава показавшему нам свет» поют не на заре, как положено, а вечером. Но недавно в период от Вербного до Воздвижения и часовенные стали служить с вечера. Некоторых часовенных старшего поколения, которые на службы ночью уже и не ходят, это, тем не менее, очень огорчает, так как лишает еще одного аргумента в споре с «церковными».

Собеседники без ложной скромности стараются доказать, что их вера и церковь (свою часовню они обычно называют церковью) самые истинные. Религиозным группам и сообществам вообще присуща идея избранности, и часовенные тому пример. Мир все еще держится их праведностью, и ради них Господь продляет наши дни: «Они (высшие небесные силы. — С. И.) почали уже, телеграммки уже почали нам. Христианство уже почало отпадать. Границы пооткрылися, и как лист с древа падает, так и христианство уже отпадать. Мне мужчина один у летах, из церкви ишла я, еще работала, он просто был попом, идем, разговариваем, за божественное разговаривали, и штось разговорилися за кончину <...> я говорю: “А знатно — не знатно, када?” А он говорит: “Не, не знатно. Есть семь столбов и когда почнуть отпадать эти столбы, останется один столбик, и тада дожидать кончину”. А я говорю: “А что это за столбы?” — “Семь церквей” <...> Это мене так сказал: семь церквей, а какие — не сказал. Он был поп. “Один столбик останется, тогда дожидать трубу Архангела Михаила”. Я говорю: “А какая церква останется?” — “Доча, я и у нас на Соборе говорил (бо нас раньше запирали, часовню, не раз, а сколько раз!), я им говорю, не запирайте их, бо мы ими держимся”» [ПМА: Е.].

И, несмотря на высокую самооценку, и дьяк, и рядовые верующие отмечают падение церковного благочестия. Народ на службы в часовню ходит плохо. Это же можно наблюдать и у белокриницких, но поскольку численно их больше, то у них это не так бросается в глаза. Народ в часовне собирается только на великие праздники и храмы (престольные праздники с обедом): «Вот мы маем храм Покров, а сейчас делали храм на Жен-мироносиц. Мы делаем храмину и было 70 душ», — рассказывал дьяк [ПМА: И. Б.]. На вопрос: много ли людей причащаются в Великий пост, последовал ответ дьяка: «Мало совсем. Не держут посты и не причащаются. В этом году одна старушка и четыре младенца». Обычно все

негативные перемены в религиозной жизни часовенные связывают с выездом людей за границу.

В 2007 г. Румыния вступила в ЕС и отъезд ее жителей в страны Европы, и не только, принял огромные масштабы, и старообрядцы были в первых рядах. Отъезд за границу сказался на численности, но проблема намного глубже: возвращаются оттуда уже совершенно другие люди, с другим менталитетом, которых не устраивает строгость правил, запретов и ограничений. Хотя в 2000-е гг. и не выезжая никуда, люди оказались в стране, открытой для новых веяний, вовлеченной в единое информационное и экономическое пространство со всеми вытекающими последствиями.

Личное благочестие

Церковное и личное благочестие неотделимо связано между собой, и падение одного неизбежно влечет падение другого. Безусловно, часовенные старшего и даже среднего поколения, как и старообрядцы других направлений и согласий, обязательно имеют в домах иконы и зажигают на праздники перед ними лампы, стараются класть начал и творить дома самые необходимые молитвы, и тем самым компенсировать нехождение в часовню и коллективную молитву. Старшее поколение часовенных всегда старались и стараются соблюдать в быту пищевые запреты и правила поведения, но с 1950–1960-х гг. делать это становилось все труднее. В 1960-е гг. Брэила подошла к самому Хутору, промышленные предприятия строились на окраинах города, и большинство мужчин и даже женщины пошли работать на производство. Соблюдать пищевые запреты, чашничество, не общаться близко с иноверными становилось просто невозможно. Отче вспоминал, что раньше из своей посуды напиток чужому не давали, «а сейчас помоешь и все. Я маю свой стакан, и тарелка моя, но детенок возьмет, но он невинный. Надо принять и угостить человека. Так писано» [ПМА: И. Б.]. Правда, белокриницкие упорно говорят, что из своей посуды часовенные не накормят, а дадут специальную посуду для гостей.

Люди старшего поколения, чаще по привычке, пьют травяной чай и говорят, что «чай черный и зеленый грех пить. Это применимо к табаку. Кофе пить грешно», но никто не ответил, почему грешно. Молодежь и люди среднего возраста пьют и чай и кофе без раздумий, и колбасу едят, не задумываясь, правильно или нет забит скот и что туда вообще положили. Поскольку давно ликвидировано приусадебное хозяйство, то все продукты покупаются в магазинах. Некоторые пожилые хозяйки очищают мясо, подержав немного над огнем и ополоснув затем под краном, но объясняют свои действия тем, что у мясников могли быть грязные руки, и поросенка обваривают из казана, в котором сами купаются.

Более строго часовенными исполняются запреты на баню, стирку и мытье посуды: нельзя этого делать восемь дней после Крещения, на Страстной и Светлой неделях, под двенадцатые и некоторые другие праздники. Тазы, заполненные грязной посудой до и после Пасхи, в Хуторе, скорее всего, увидишь именно у часовенных. Все старообрядки сбрызгивают стиральное в машинке белье водой из бутылки, но некоторые часовенные не пользуются стиральной машиной, даже если им подарили ее взрослые дети, или потом переполаскивают белье под краном.

Последние тридцать лет (после революции 1989 г.) главным искушением для часовенных даже старшего возраста стал телевизор и телефон: «Каяться и так, и так надо, но раньше не было греха так, как сегодня. Соберутся, погуляют, выпьют, а теперича телевизор глядим, а это грешней» [ПМА: Е.]; «Сейчас куда ни пойдешь: в госпиталь, в банк, везде спрашивают номер телефона. Интернеты почали. Такие времена почали. Дома все пользуются. Все мают телевизор. У нас есть, но я его не гляжу. Старики запрещали. “То — нечистый”, говорили. Дети только калкуляторы, а молиться не знают. Заставляешь их, не хотят молиться» [ПМА: И. Б.]. Когда дьяк говорил о несоблюдении постов, то не всегда это относится к несоблюдению пищевых правил, хотя сейчас принято оправдываться медицинскими показаниями, но в понятие поста входит и отказ от развлечений, в том числе от телевизора.

Тем не менее для часовенных очень важно демонстрировать окружающим свою личную преданность Богу и благочестие. И они нашли способ, как это сделать. У часовенных и белокриницких изначально костюм ничем не различался. В настоящее время старинные элементы остались у них в обрядовой одежде: молельной и похоронной. Последней посвящена отдельная статья [Иникова 2018], поэтому обратимся к женской молельной одежде часовенных, для которой характерна особая символика. На службу они надевают длинную, пышную юбку, поверх которой на талии завязан пояс, распашные с рукавом куцавейку (кофта) или утепленную куфайку с подрезом сзади чуть ниже талии и жесткими мелкими складками на отрезной части — борами. На голову — кичку, косяк (косынка, завязанная концами назад), шалечку. По подолу юбки должны обязательно идти три ленты, а если нашить две ленты, то, как сказала информант, «то значит не Троица». У куцавейки по боковым швам и по центральному шву на спинке от талии вниз идут складочки, которые, по словам собеседниц, символизируют Троицу: «Клинушки по бокам [куцавейки] и вот на середке (сзади. — С. И.) — это не ради красоты. У их (белокриницких. — С. И.) идет ровно. Как оденешь ее у город, так и у церкву надеваешь ее. Это обычная, а это Троица неразделимая. За то эти три складки» [ПМА: З. С. А.]. Число боров на куфайке (на лице и изнанке) должно равняться 103, потому что на лестовке столько же бубочек (103 было на вервице свт. Василия Великого).

О поясе, неотъемлемом для костюма старообрядцев, часовенные говорят: «Поясуемся поясом — есть символ крещения и веры. Два конца: один длинный, другой короче — есть Закон Ветхий и Новый, а узел, который мы связывали, есть крепкая наша вера» [ПМА: З. С. А.].

Белокриницкие Хутора интересуются и складочками, и борами и удивляются даваемым объяснениям, а сами они, по словам часовенных, уже «порамонизались» (орумынились).

Заключение

Часовенные и белокриницкие Хутора, выйдя из беглопоповства и имея общие корни, уже приблизительно 150 лет противостоят друг другу как религиозные оппоненты. При сокращающейся численности, отсутствии государственного финансирования, скромности внешнего антуража (отсутствие роскоши в часовне, парчовых облачений, размаха в богослужении), отказа от перевода в свою веру румын в случае смешанных браков часовенные в современном мире находятся в

несравненно худшем положении, чем белокриницкие: им трудно удержать своих, не говоря уже о привлечении чужих.

Для поддержания групповой религиозной идентичности им приходится постоянно доказывать свою особенную приверженность идеалам и традициям старой веры и демонстрировать свое благочестие, тем самым постоянно воспроизводя у членов своей группы позитивную самооценку, с одной стороны, и противопоставляя себя «церковным» — с другой. Выбор другого пути невозможен, ибо он означал бы конец их существования как часовенных.

Такая тактика действительно позволяет сплотить старшее поколение, но «строжесть большая» отталкивает более молодые возрастные группы. Предпринятые часовенными в 2000-е гг., вслед за белокриницкими, попытки пойти на некоторые небольшие компромиссы, чтобы как-то приспособиться к изменяющейся жизни и меняющемуся менталитету членов своего сообщества, не могут изменить ситуацию. Тяготение к замкнутости, которое и ныне присуще часовенным, находится в полном противоречии со стремлением современного общества Румынии и Европы в целом к открытости и глобальности.

Литература

1. Иникова С. А. Народная традиция и религиозная идея в современной похоронной одежде старообрядцев-липован в Румынии // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 334–339.
2. Надеждин Н. И. О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 75–166.
3. Плотникова А. А. Старообрядцы Добруджи в Румынии // Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСл. РАН, 2016. С. 17–34.
4. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. А. 1934 г. р.
5. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. А. 1954 г. р.
6. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. Е. 1946 г. р.
7. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. И. Б. 1955 г. р.
8. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. З. С. А. 1943 г. р.
9. ПМА — Полевые материалы автора. Румыния, 2017 г. Хутор. Т. М. 1924 г. р.
10. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае. Одесса; Измаил; Москва: «СМИЛ» — «Археодоксия», 2010. 527 с.
11. Субботин Н. И. Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой австрийской, или белокриницкой, иерархии. М.: Тип. Рис., 1874. 512 с.
12. Polek J. Lippowanerinder Bukowina. II: Religionund Kirchenwesen. Czernowitz, 1898. 84 s.